

859

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ЦЕНТРАЛЬНЫЙ ОРДЕНА ЛЕНИНА
ИНСТИТУТ ФИЗИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ

На правах рукописи

В.Г. ГРИШИН

К Р И Т И К А

ИРРАЦИОНАЛИСТИЧЕСКОГО ИСТОЛКОВАНИЯ ИГРЫ

/о мировоззренческо-методологическом аспекте
современных буржуазных концепций физического
воспитания/

(Работа написана на русском языке)

/№ 13734 - теория и методика физического
воспитания и спортивной тренировки/

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени
кандидата педагогических наук

Москва, 1972 г.

Работа выполнена в Государственном Центральном ордена Ленина институте физической культуры на кафедре теории и методики физического воспитания (ректор института - доцент В.И.МАСЛОВ, заведующий кафедрой теории и методики физического воспитания - профессор А.Д.Новиков).

Научный руководитель - кандидат педагогических наук, профессор А.Д.НОВИКОВ

Ведущее предприятие - Государственный ордена Ленина и ордена Красного знамени институт физической культуры имени П.Ф.ЛЕСТАТА

ОФИЦИАЛЬНЫЕ ОППОНЕНТЫ:

1. Доктор педагогических наук, профессор П.А.РУДИК
2. Кандидат философских наук А.С.ВОСКОВОЙНИКОВ

Автореферат разослан " 9 " января 1973 г.

Защита диссертации состоится " 9 " февраля 1973 г.

в _____ часов на заседании Совета Государственного Центрального ордена Ленина института физической культуры по адресу: Москва, Сиреневый бульвар, д.4.

О диссертацией можно ознакомиться в читальном зале библиотеки института

УЧЕНЫЙ СЕКРЕТАРЬ СОВЕТА
доцент В.В.СТОДЬБОВ

Среди многообразия методологических и социально-мировоззренческих проблем теории физического воспитания, к л ю ч е - в ы м е позиции занимает философское осмысление и г р м.

Однако понятие игры в марксистской философии до сих пор не получило систематизированного изложения.¹ Это создает определенные трудности в исследовании многих проблем теории физического воспитания, ведет порою к смешению абсолютно различных по содержанию явлений действительности, зачастую подменяет анализ игры в сфере физической культуры спором о словах и т.д.

В то же время в условиях ожесточенной идеологической борьбы современные буржуазные концепции физического воспитания, атакуя марксистскую теорию физического воспитания, сосредотачивают свои основные критические усилия именно на проблеме игры как проблеме гуманизма, считая её трактовку якобы наиболее уязвимой как в целом, в марксизме, так и в частности, в марксистской теории физического воспитания. При этом совершенно не учитывается тот факт, что проблема игры - свободы получила в марксистской философии иное понятийно-терминологическое выражение.

Учитывая вышеизложенное и руководствуясь указанием В.И.Ленина о том, что "спорить о словах конечно не умно ... Надо выяснить точно понятия, если хотеть вести дискуссию"², нам представилось весьма актуальным исследование, в котором была бы предпринята попытка - критически рассмотреть одну из

¹ Здесь достаточно указать на отсутствие понятия игры в "Философской энциклопедии" (1960-1970) и философских словарях.

² Ленин В.И. Полное собрание сочинений, т. 30, стр. 93

форм идеалистического истолкования игры в сфере физической культуры, а именно иррационализм, вскрыть реакционную, антигуманную оущность и его практическую несостоятельность, антинаучность решения им роли человека в системе физического воспитания и места последней в современном обществе. Однако в силу того, что объем, содержание и специфика понятия игры в марксистской философии не получили систематизированного изложения мы вынуждены были выйти за пределы научных границ теории физического воспитания и предварительно рассмотреть разработку философского и общесоциологического аспектов игры в истории философии и в иррационализме. Без такого представления уровень позитивной критики мировоззренческо-методологических основ современных буржуазных концепций физического воспитания неизбежно остается неглубоким, во многом сущностно неаргументированным.

В основу изучения и оценки буржуазных воззрений на игру были положены марксистско-ленинские принципы критики, нашедшие свое воплощение в решениях, постановлениях и документах Коммунистической партии Советского Союза и освещенные в марксистской литературе.

Среди других методов исследования следует выделить логико-генетический подход к проблеме, позволивший проследить становление научного осмысления феномена игры и терминологические трудности его выражения, исторически обусловленные напластованием различных лексик (обиходной, художественно-метафорической, философской и т.д.) на термин "игра".

Широко использовались в работе анализ и обобщение литературных источников. Исследуя концепцию иррационализма, мы

опирались на труды классиков марксизм-ленинизма, на важнейшие документы съездов и Пленумов ЦК КПСС в области идеологии. В работе учтены критические выводы по буржуазной философии А.С.Асмуса, А.С.Богомолова, П.П.Гайденко, В.А.Карпушина, П.В.Копнина, П.В.Корнеева, М.К.Мамардашвили, А.Г.Мысливченко, С.И.Ойзерман и других советских философов.

Диссертация состоит из введения, посвященного обоснованию темы, определению основного направления и методов исследования, пяти глав и выводов.

ГЛАВА I. ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАЗРАБОТКИ ПОНЯТИЯ ИГРЫ В МАРКСИСТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ И ТЕОРИИ ФИЗИЧЕСКОГО ВОСПИТАНИЯ

Данная глава посвящена анализу понятия игры в отечественной литературе.

Однако анализ этот в отличие от предыдущих исследований феномена игры в марксистской литературе осуществляется с позиций философского значения термина "игра", какое он (термин) приобретает в немецкой классической философии (И.Кант, Ф.Шлегелер, Г.Гегель) и в Марксовой концепции сознания, а не с позиций его частного значения, сложившегося в отечественной литературе. Это позволило устранить абсолютизацию частных значений термина "игра", избежать спора о словах, а также выявить позитивные тенденции философской разработки понятия игры - свободы в отечественной литературе.

С понятием игры в немецкой классической философии связывалась творческая самоцельная активность, дающая свободу индивиду от внешне-целесообразного, необходимого, утилитарного.

В этой связи в работе особо отмечается позитивность мыслей об игре А.В.Луначарского и тех моментов воззрений на

игру Г.В.Плеханова, которые он высказывает в более позднем произведении, чем "Письма без адреса" (1899-1900), "Н.Г.Чернышевский (1909)". Дело в том, что в "Письмах без адреса" Г.В.Плеханов подвергает критике различного рода биологические концепции игры о позиции всего лишь другой, на первый взгляд материалистически звучащей, биологической концепции игры Г.Спенсера.

Концепция игры как избытка сил Г.Спенсера, хотя и имела некоторую позитивность для осмысления социального характера игры и искусства, в целом же она лишь путано и противоречно излагала смысл кантовско-шлллеровских воззрений на игру.³ Поэтому вновь, возвращаясь к проблеме искусства как игры, Г.В.Плеханов обращает внимание на позитивность для разработки данной проблемы именно кантовско-шлллеровской концепции игры, дополненной, как и в случае о концепцией Г.Спенсера, материалистическим ядром - игра - дитя труда⁴.

Однако сам феномен игры как феномен творческой активности в воззрениях А.В.Луначарского и Г.В.Плеханова не получили детальной философской и общесоциологической разработки. Поэтому при анализе взглядов на игру Н.К.Крупской, А.С.Макаренко, С.Т.Шацкого, Л.С.Выготского, Л.С.Рубинштейна, П.А.Рудика, Д.И.Узнадзе, А.Н.Леонтьева, Д.Б.Элькоанна, А.В.Запоро-

³ Интересно заметить, что в "Письмах без адреса" Г.В.Плеханов подмечает тот факт, что К.Гросс, взгляды которого он подвергает критике, называл теорию игры Г.Спенсера теорией игры Шллера-Спенсера. См. Плеханов Г.В. "Письма без адреса. Искусство и общественная жизнь". М., 1956, стр. 72.

⁴ Плеханов, Г.В. Избранные философские произведения. М., "Госполитиздат", 1958, т. IУ, стр. 351-352.

жец, А.А.Люблинской, Н.Н.Ладыгиной-Кото и других основное внимание акцентировалось на тех моментах, которые способствуют осмыслению общей природы игры.

При рассмотрении употребления термина "игра" в кибернетике и математической теории игр, наряду с некоторой условностью заимствования этого термина данными науками, подчеркивается позитивность его употребления для осмысления л о г и к о - г н о с е о л о г и ч е с к и х функций игры.

Особое внимание в конце главы ^{уделяется} анализу употребления термина "игра" в теории физического воспитания. Дело в том, что в теории физического воспитания термин "игра" употребляется как в мировоззренческо-методологическом смысле, так и в собственно предметном (подвижные и спортивные игры).

В данной части диссертации характеризуются работы советских и зарубежных теоретиков-марксистов, в которых используется философское осмысление игры для разрешения различных проблем физической культуры, физического воспитания (Х.Меклер, В.Г.Яквлев, Н.И.Пономарев, А.А.Френкин, А.Воль, В.Нитшке, Д.Кляйне). Одновременно отмечается недостаточность использования философского осмысления игры для нужд теории физического воспитания, слабая аргументированность некоторых положений теории физического воспитания, связанная с отсутствием разработанного и систематизированного методологического и социально-мировоззренческого знания об игре.

В з а к л ю ч е н и и данной главы подчеркивается, что термин "игра" охватывает значительный круг явлений и дает им некоторое общее и конкретизированное, в ряде отношений,

описание; что проблема игры довольно многогранна и может быть рассмотрена во многих аспектах и на различных уровнях абстракции. Однако важным, по существу определяющим, является философские осмысление игры – свободы, выдвигающее общие предпосылки для объяснения феномена игры в частных явлениях. Поэтому особо подчеркивается актуальность исторического анализа понятия игры.

ГЛАВА II. ИГРА В НЕМЕЦКОЙ КЛАССИЧЕСКОЙ ФИЛОСОФИИ

Термин "и г р а" в ф и л о с о ф и и И.К а н т а приобретает, по сравнению с предыдущим (Платон, Аристотель, Дж.Локк, Руссо, Дюбо и др.), тот смысл, который созвучен (и не более) современному его смыслу в буржуазной философии.

Как известно, для И.Канта было совершенно очевидным, что человека необходимо осмыслить двояко: как существо природное (механическое, утилитарное) и как существо неприродное, свободное (моральное).

Конкретизируя понимание свободы так, как она существует для нас, т.е. как мы её повседневно воспринимаем, И.Кант акцентирует внимание на двух сферах её осуществления: эстетической и логической способности суждения (телеологическая).

Эстетическая способность суждения выводится И.Кантом только из "свободной игры рассудка и силы воображения".⁵

В отличие от репродуктивного воображения, ассоциируемого с закономерностью природы, воображение в игре является

5. Кант, И. Собрание сочинений. М., "Мысль", 1965, т.5, стр. 219.

Гегель, Г. "Эстетика". М., "Искусство", 1968, т.1, стр. 63.

продуктивным (творческим) и определяется из самого себя ради получения внутреннего чувства удовольствия и неудовольствия. Рассудок же в игре познавательных сил не ограничивает подобные действия воображения "каким либо особым правилом познания"; его действия подобны лишь некому "слабому зову духа". Если же действия рассудка нарушают состояние свободной гармонии и следует выбор эффективного "хода", решения то игра исчезает. Это уже есть итог логической способности суждения, которая исходит из познаваемой закономерности природы (природы как явления), а не из внутреннего чувства удовольствия и неудовольствия.

Таким образом, состояние познания в виде "свободной игры рассудка и силы воображения" приобретает, по И.Канту, значение установки и определяет тем самым сферу игры-свободы сферу свободного и гармонического развертывания сил, единства чувственного и сознательного, элементарного и возвышенного и т.д.. В то же время игра как автомотивационная сфера противопоставляется И.Кантом внешней целесообразности природы, в том числе и социальной.

Именно на этом пути рассуждений лежит субъективистское в своей основе кантовское суждение - "искусство для искусства" и многочисленные последующие интерпретации игры как "бесполезного" феномена, целесообразного только в самом себе, реализующем чистое, незаинтересованное в утилитарном, эстетическое удовольствие.

---

6. Кант, И. Собрание сочинений, М., "Мысль", 1965, т.5
стр. 219.

Однако в воззрениях И.Канта на игру есть и позитивные моменты, представляющие первые шаги к действительно научному осмыслению игры. Выделим здесь, во-первых, то, что действия воображения в игре, по И.Канту, представляют не произвол, фантазирование, а есть "свободная закономерность" (И.Кант), действующая по определенным правилам чувственности. Из этого вытекает, что игра познавательных сил не есть абстракция, беспредметная, бесцельная игра сил, а есть такое боостояние познания, при котором воображение творит из самого себя, не смея нарушить природные закономерности, в том числе и социальные.

Во-вторых, вопреки овоей же метафизичности И.Кант усматривает диалектику труда и игры. Труд, уже по И.Канту, выходит за рамки только внешней необходимости, в нем присутствует некий модуо свободы, игры, творчества. Причем произойти подобное может, опять же по И.Канту, только при определенных социально-политических условиях (всемирно-гражданское общество). Таким образом, имеющее иногда место противопоставление труда и игры выступает, по И.Канту, как критика капиталистического разделения труда.

Также необходимо подчеркнуть, что априорность игры, по И.Канту, не имеет ничего общего с пониманием априорности игры в иррационализме.

В о з з р е н и я Ф.Ш и л л е р а н а и г р у во многом продолжают кантовские. Так, наследуя кантовское осмысление игры как собственно человеческого феномена, Ф.Шиллер писал: "... человек играет только тогда, когда он в полном значении слова человек, и он бывает вполне человеком лишь тогда, когда иг -

р а в т⁷.

В то же время воззрения на игру Ф.Шиллера сами по себе представляют большой интерес и оставили важный след в истории теории игры.

В диссертации мы стремились рассмотреть наследие Ф.Шиллера иначе, чем это было сделано в истории теории игры и делается современными буржуазными философами. Так, опровергается мысль об инстинкте игры в воззрениях Ф.Шиллера на игру; рассматривается "материальная игра" и "эстетическая игра" как качественно различные феномены; обращается внимание на значение "эстетической игры" как "овободы в явлении" для познания ("эстетическая видимость"); особо выделяется мысль Ф.Шиллера об игре как феномене, переосоздающем дело необходимости в дело свободного выбора; внимательно анализируется происхождение игры по Шиллеру. Подчеркивается, что шиллеровская "игра" животных как "избыток сил" содержит некоторый позитивный момент, заключающийся в том, что возникновение уже "игры" животных, по Ф.Шиллеру проблеск свободы, мыслится в ходе позитивного развития природы, а не антропологически (изначально) предполагается. Другое дело, что Ф.Шиллер не смог осмыслить возникновение игры человека в каузальном (причинном) отношении к труду, к социальности и ограничился лишь указанием на о к а ч о к от "игры" животных к игре человека (свободе).

С этим, в основном, и связано то, что критика Ф.Шиллера капиталистической действительности, призыв к новому типу

---

7 Шиллер Ф. Статьи по эстетике. М.,-Л. 1935, стр. 245.

культуры, государству свободы носит характер эстетическо-политической утопии.

Подчеркивая противоречивость, ограниченность и узость в осмыслении И.Кантом и Ф.Шиллером свободы, самоцельной деятельности человека, следует указать, что основной помехой такому пониманию является недостаточное осмысление И.Кантом и Ф.Шиллером логико-гносеологических функций игры и социологического аспекта игры. Правда, И.Кант и Ф.Шиллер указывают в некоторых местах на это, однако, глубоко и широко осмыслить логико-гносеологические функции игры и социологический аспект игры они не стремятся, так как логико-гносеологические функции игры и социологический аспект игры предполагают иное осмысление творческой активности индивида, его свободы, самоцельной деятельности; чем это делается в целом в философии И.Канта и Ф.Шиллера.

Гегелевские воззрения на игру, которые впервые отмечаются в отечественной литературе, представляют собой в "снятом" виде продолжение кантовско-шиллеровских. Особенностью этих воззрений явилось то, что Г.Гегель, окончательно утвердив диалектику познавательного процесса, выводит рассмотрение игры в философии за рамки, преимущественно, эстетического анализа. Свободная игра рассудка и силы воображения представляет уже игру а б о т р а г и р у ю щ и х сил, с помощью которой рассудок проникает к истинной скрытой основе вещей.⁸ Смысловые характеристики игры определились теперь иным образом, чем у И.Канта и Ф.Шиллера. Если в кантовско-шиллеровском осмыслении игры есть моменты м е т а ф и з и к и, т.е. противопоставление внешне - целесообраз -

---

⁸ Гегель, Г. Сочинения, М., 1959, т.4, стр. 77

разней, утилитарной деятельности—неутилитарной, свободной (игре), то Г.Гегель подчеркивал: "негативное значение игры сил состоит именно только в том, что она не есть в себе, а положительное — только в том, что она есть опосредующее, но вне рассудка."

Эта мысль Г.Гегеля подчеркивает не только диалектический, но и социальный характер игры. Игра опосредованно включена в непосредственность. И наоборот, непосредственность включается в опосредованность игры, становится моментом и звеном опосредованности игры. Иначе говоря, несмотря на то, что игра является собственно человеческим отношением к действительности, она не может лишиться объективного содержания, не может быть изолированной от социальной действительности. Игра сил выступает не только как сторона сознания, но и как категория социального бытия человека.

Тем самым, само понятие самоцельной деятельности, преодоление человеком утилитарного отношения к своей деятельности, завоевание свободы мыслится Г.Гегелем не только эстетически, но и логико-гносеологически и социологически. Если у И.Канта и Ф.Шиллера самоцельная деятельность (игра) принимает вид гетерономной сферы, то у Г.Гегеля осуществление самоцельной, свободной деятельности возможно в самих гетерономных явлениях.

Сферы обиденной жизни, т.е. гетерономные сферы, при этом не исчезают. Они принимают иной характер. С их помощью человек, с одной стороны, выполняет цель природы, с другой — выполняет свою собственную цель. Иначе говоря, в конце любой деятельности человека, по Г.Гегелю, лежит не только внешний продукт, но и сам человек во всей своей целостности

и универсальности. Вот почему после философии Г.Гегеля термин "игра" стал узок для осмысления сферы свободы индивида, его самостоятельной деятельности. Этим во многом объясняется редкое употребление термина "игра" классиками марксизма для выражения проблемы свободы индивида, его самостоятельной деятельности и т.д.

Какую идеалистическую сторону гегелевских воззрений на игру, авторы подчеркнули ограниченность и мистицизм гегелевской "абсолютной идеи", осмысление труда только как "абстрактно-духовной деятельности" (К.Маркс), т.е. деятельности, которая стоит в познавательном отношении к историческому движению, а не в созидательном.

В з а к л ю ч е н и и данной главы кратко подытоживается позитивное осмысление игры в немецкой классической философии как творческой активности сознания. В то же время подчеркивается, что на разработке понятия игры в немецкой классической философии лежит в определенной степени печать мистицизма. Отсюда творческая активность сознания (игра) представит как имманентная, идущая из глубины духа субстанциональная свободная деятельность.

Пределение мистических сторон воззрений на игру классиков немецкого идеализма в истории теории игры пошло, в основном, в двух направлениях. Первый путь привел к диалектико-материалистическому видению игры, второй, по существу, всего лишь к другой разновидности идеализма - иррационализму.¹⁰

¹⁰ Подобное деление может показаться несколько упрощенным, если иметь в виду все философские интерпретации игры. Однако оно вполне оправдано, если иметь в виду наиболее распространенные и открыто противопоставленные в настоящее время друг другу методы мышления о феномене игры.

ГЛАВА Ш. ДИАЛЕКТИКО-МАТЕРИАЛИСТИЧЕСКОЕ ВИДЕНИЕ ИГРЫ

На первый взгляд может показаться, что К.Маркс и Ф.Энгельс не занимались систематической разработкой проблем сознания и игры. Однако это не так. В произведениях классиков марксизма мы встречаемся не только с рассуждениями, имеющими какое-то отношение к исследуемой проблеме, но и о действительным разрешением ее. Другое дело, что не всегда о этой цели использовался термин "игра".

Последнее обстоятельство служит иногда буржуазным идеологам аргументом — будто-бы марксизм исследует проблемы собственно человеческого, самоцельного развития индивида, преодоления человеком утилитарного отношения к своей деятельности и т.д.

Однако все труды классиков марксизма как раз проникнуты не только идеей целостного и универсального развития человека как самоцели истории, но и конкретно-социальным воплощением этой самоцели. Сам процесс творчества осмысливается в трудах классиков марксизма как процесс создания новых возможностей свободы, как процесс реализации очеловеченных потребностей.

Общезвестно, что К.Маркс и Ф.Энгельс не раз подчеркивали мысль о единстве человека с природой. Так, в "Капитале" Маркс писал: "Для того, чтобы превратить вещество природы в известной форме, пригодной для его собственной жизни, он (человек — В.Г.) приводит в движение принадлежащие его телу естественные силы: руки, голову, пальцы. Воздействуя посредством этого движения ^{на} внешнюю природу и изменяя ее, он в то же время изменяет свою собственную природу. Он развивает про-

лющие в последней способности и подчиняет игру этих сил своей собственной власти".¹¹

В данной мысли К.Маркса заложена та часть марксовской концепции сознания, которая имеет прямое отношение к исследуемой проблеме.

Человек, по мысли К.Маркса, с помощью общественно-трудового и общественно-познавательного акта развивает "дремлющие способности" природы до высшего уровня творческой активности-игры физических и интеллектуальных сил, до высвобождения познавательных сил из-под власти необходимости и подчиняет их своей собственной власти.

Становясь собственными силами человека, данные силы о ч е л о в е ч и в а ю т внешне-целесообразные явления, превращая их в известной степени в свободные. Человек в них выступает уже "не как определенным образом выдрессированная сила природы", (механизм), а как сила, "управляющая всеми силами природы".¹² Сам труд как "вечная естественная необходимость" (К.Маркс) становится "положительной творческой деятельностью".¹³ "В конце процесса труда получается результат, который уже в начале этого процесса имелся в представлении человека, то есть идеально".¹⁴ Труд и по форме и по содержанию все больше и больше увлекает человека как "игрой физических и интеллектуальных сил",¹⁵ т.е. как свободное разворачивание

11. Маркс, К., Энгельс, Ф. Сочинения, т.23, стр. 188-189 (подчеркнуто нами).

12. Маркс, К. Критика политической экономии (черновые наброски 1857-1858 гг.). "Вопросы философии", 1967, № 7.

13. Там же

14. Маркс, К., Энгельс, Ф. Сочинения т.23 стр. 189

15. Там же

физических и интеллектуальных сил. В таком случае сам труд выступает наипервейшей сферой свободы индивида.

Однако для того, чтобы труд был сферой подлинного самоосуществления индивида он должен, по учению классиков марксизма, иметь не только научный, но и общественный характер. Он должен иметь для этого не столько субъективные, сколько объективные условия.¹⁶

Так, классиками марксизма в исследование игры, творчества, свободы, самоцельной деятельности человека было введено еще и их социальное измерение. И не мистически истолкованное, как у Г.Гегеля, а научно осмысленное.

Таким образом, феномен игры предстает в марксизме как творчески-активная сторона сознания, формирующаяся на основе общественно-трудовой и общественно-познавательной деятельности человека. В то же время игра не только сторона духовного освоения действительности, но и сторона практического освоения действительности, сторона общественного бытования человека.

Исходя из этого наследия классиков марксизма, творчески переработавших воззрения И.Канта, Ф.Шидлера и Г.Гегеля на игру, во второй части данной главы предпринимается попытка определить понятие игры через существенные признаки (предикаты) игры. При этом уделяется внимание происхождению игры, ее психофизиологический основе, ее социальному началу, пользе игры, функции выигрыша, игре в онтогенезе и т.д.

---

¹⁶ Маркс, К. Критика политической экономии (черновые наброски 1857-1858 гг.). "Вопросы философии", 1967, № 7.

Особо обращается внимание на выделение игры в отношении на самостоятельную форму деятельности как возрастание субъективного фактора свободы, детерминированного общественно-трудовой и общественно-познавательной деятельностью человека. Отделившись от общественно-трудовой и общественно-познавательной деятельности, игра как относительно самостоятельная форма деятельности приобретает новый социальный смысл и новые социальные функции, не носящие непосредственно вещественного, материального характера. В то же время, подчеркивается в работе, став относительно самостоятельной формой деятельности в виде досуговой, предпрактической и послепрактической деятельности игра продолжает во многих отношениях сохранять связь со своим генезисом, с общественно-трудовой и общественно-познавательной деятельностью человека.

ГЛАВА IV. ИРРАЦИОНАЛИСТИЧЕСКОЕ ВИДЕНИЕ ФЕНОМЕНА ИГРЫ

В осмыслении сути иррационализма авторы отталкивались от философских идей А.Шопенгауэра, явившегося предтечей иррационалистического метода мышления.¹⁷

А.Шопенгауэром предполагается существование иррационально-мистических, антропологически предопределенных человеку жизненных импульсов. Эти импульсы иррациональны, но не в смысле "а-рациональны", т.е. противоположны рациональному, а в том смысле, что эти жизненные импульсы есть некая позитивная сила, не поддающаяся строгому рациональному порядку. У интеллекта не хватает функций познать их.

---

17. Шварц, Т. От Шопенгауэра к Хайдеггеру. М., 1964.

Исследуя истоки иррационалистического истолкования игры, авторы отмечают моменты ее иррационалистического истолкования уже у романтиков. Так, романтическое осмысление игры предполагает источник игры в некоем всеобщем спонтанно-творческом импульсе, противостоящем обыденной жизни. Этот импульс несет ценность в самом себе и является единственной возможностью спастись от раздробленности человеческой личности, порождаемой голой утилитарностью буржуазного общества.

Игра по форме своего социального бытования предстает в качестве обособленной сферы, отторгнутой от всех жизненно-реальных областей. По содержанию утверждаемых ее принципов и идеалов она выступает в качестве "мира наизнанку", в котором перевернуты все отношения обыденной жизни. Речь по существу идет не о прогрессе свободы, а о мистифицированной ее предопределенности.

Субъективизм, индивидуализм, мистицизм, спонтанность творческой деятельности, свободу от объективных сфер и усуремлений — вот что предложил романтизм как широкое философско-литературное течение научному познанию для осмысления игры. В то же время это есть своеобразная критика капиталистического разделения труда, протест против отчуждения и порабощения человеческой личности капиталистическим обществом, диаметрально противоположное противопоставление "буржуазному началу в человеке" (голый утилитаризм) "романтического", бескорытного, свободного и "чистого" человеческого начала.

Дальнейшее утверждение иррационалистических основ в осмыслении игры и ее романтического видения связано с философией С.Кьеркегора, Ф.Ницше, философией жизни, феноменологией Э.Гусерля, философской антропологией, экзистенциализма-

мом, фрейдизмом и прагматизмом и т.д.

Анализ иррационалистического метода мышления и воззрений на игру Дж.Дьюи, А.Гелена, О.Шпенглера, Х.Гуминги, Ж.Поль Сартра, З.Фрейда, Ортеги-и-Гассета и др. приводит к выводу, что эти концепции являются вариантами иррационализма. Другой особенностью этих воззрений является рассмотрение игры как априорной, изначально предопределенной творческой активности, как некоего анонимного начала, диаметрально противопоставленного реальной действительности. Так, видный представитель экзистенциализма Ж.П.Сартр заключает: "Человек должен выбрать: быть ничем или играть. Что он и делает". Мистифицированно и метафизически истолкованная игра выступает здесь в качестве некоей спасительницы человеческого существования. Индивид с помощью такой "игры" всегда свободно располагает собой и достигает своей собственной конечной реальности посредством актов свободного выбора.

Показательны в этом отношении также взгляды и Ортеги-и-Гассета "о спортивно-праздничном смысле жизни".

Ортегианская концепция изначального "спортивно-праздничного смысла жизни", являясь разновидностью "абстрактного", "антропологического" гуманизма лишней раз подтверждает то обстоятельство, что и р а ц и о н а л и з м, спекулируя многозначностью термина "игра", на "оловах" стоит на стороне человека, а на деле скрывает свою агуманистическую направленность. В "ортегианской игре" тщетно искать исторический путь, пройденный человечеством. И наоборот, можно быстро найти игру (спорт) как некую всеобщую "психодную" жизненную активность,

---

18. Цит. по книге: Критика буржуазной "социологии спорта". М., 1965, стр. 35

как возможность бегства от реальности в антропологически predetermined (изначальную, вневременную) сущность человека. То же, что осуществление "спортивно-праздничного смысла жизни", предположим буржуа, отлично от осуществления смысла жизни трудящимся человеком, для Ортеги-и-Гасаета не имеет существенного значения. Важен смысл жизни, а не его социальное осуществление.

В известной степени могут показаться далекими от этих концепций взгляды на игру Г.Спенсера, К.Гросса, В.Штерна, Стэнли-Хола, К.Вихера и др. Однако реализация эволюционных взглядов в воззрениях на игру, натуралистическое понимание человека, рассмотрение игры на основе принципа первоначально-го развертывания творческой активности изнутри приводит и этих исследователей к истолкованию игры как сферы первичной по отношению к труду и социальному. Таким образом, крайний биологизм данных взглядов заслоняет, по существу, иррационалистическое истолкование игры, так как его конечной основой является не столько инстинкт игры, сколько витально-духовное, мистическое осмысление игры, творчества, свободы.

В з а к л ю ч е н и и главы подчеркивается, что иррационалистическое видение игры, хотя и представляет собой в социальном плане некоторую критику буржуазного образа жизни, но в своей сущности оно в большей мере не только отражает кризис капиталистической системы общественного устройства, деградацию буржуазной культуры, но и утонченно защищает последние, так как иррационалистическое видение игры, являясь основой "антропологического" гуманизма, скроено "для всех времен, для всех народов, для всех обстоятельств и именно

потому не применимо нигде и никогда"¹⁹

При анализе некоторых работ буржуазных исследователей отмечалось, что порочность общей идеалистической установки не мешает, иногда, отдельным буржуазным исследователям высказать ряд положений, имеющих познавательную ценность.

Однако заимствование этих положений и их дальнейшая разработка возможны только при условии преодоления идеалистических, иррационалистических, основ этих положений.

ГЛАВА V. ИГРА В СФЕРЕ ФИЗИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ.

Проявление феномена игры в сфере физической культуры может быть рассмотрено на различных уровнях абстракции. Однако в работе в основном акцентировалось внимание на осмыслении физических упражнений, спорта в качестве относительно самостоятельных форм развертывания и переживания свободы. Это позволило приблизить философское знание об игре-свободе к нуждам научно-го осмысления физической культуры, физического воспитания.

Марксистская теория физического воспитания при этом открыто и последовательно придерживается методологии диалектико-материалистической теории игры, что позволяет ей вывести теоретико-познавательные положения, ведущие к гуманизированной практике физического воспитания.

Современные же буржуазные концепции физического воспитания, развиваясь как противоположность марксистской теории физического воспитания, при всех внешних расхождениях придерживаются в основном философско-антропологических взглядов, в

¹⁹ Энгельс, Ф. Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии. М., 1967, стр. 34

основе которых лежат религиозно-иррационалистическое, витальное-духовное осмысление игры. Вследствие этого теоретико-познавательные положения этих концепций физического воспитания остаются на абстрактно-идеалистическом, метафизическом уровне осмысления. Отсюда реальные, выдвигаемые жизнью задачи физического воспитания толкуются извращенно, роднятся с сферой тайных, мистифицированных отношений человека к миру ... к богу.

Большое внимание уделяется буржуазными идеологами физической культуры спорту как якобы одной из форм раскрепощения фантастических интересов человека. С точки зрения иррационализма источник спорта лежит во внутреннем "иррациональном порыве", противостоящем социальной действительности.

Отсюда спорт предстает чуть ли не единственным и самым верным средством спасения, отдохновения человека в условиях современного "массового" стандартизированного общества. Он есть своеобразное убежище от корысти и лживости цивилизации, спонтанное проявление культуры. Спорт нельзя связывать с прогрессом. Его возрастающая роль в жизни людей XX века связана с возрастанием роли *Нето Сидинг* (человека играющего), то есть с саморазвивающимся возрастанием некоей феноменологической интуиции, "иррационального игрового порыва" и т.д. Если же спорт имеет связь с прогрессом, то такой спорт теряет игровой характер и превращается в некое "социальное рабство" (К.Дам, В.Дауме, Х.Бернет, Е.Нейендорф и др.).

Теоретико-познавательное разделение спорта на игровой и неигровой развивается, по существу, в русле неразрешимого дуализма, присущего буржуазному мышлению: цель - целевая свобода, труд - игра, серьезность - несерьезность и т.д. Это разделение оформляется в настоящее время в виде "классовой борьбы"

(Хайзе) мышления буржуазных идеологов физической культуры.

Как же эти вопросы решает марксистская теория физическо-го воспитания, отправляясь от диалектико-материалистической теории игры ?

Исследуя происхождение физических упражнений, их социальную значимость и т.д., авторы приходят к выводу, что исходным материалом для возникновения физических упражнений и спорта служили и продолжают служить обычные целесообразные, внешне-необходимые, практические действия людей. По мере развития общественно-трудовой и общественно-познавательной деятельности людей физические упражнения (игра) эволюционируют одновременно и как фактор внутреннего переживания свободы индивида и как объективная социальная потребность.

Поэтому в центре внимания марксистской теории физического воспитания оказывается на абстрактно взятое отношение физических упражнений, спорта и социальной действительности, не их исключительность, выведенная за пределы реального бытия, а проблема взаимосвязи физических упражнений, спорта, физического воспитания с социальной действительностью, с общественно-трудовой и общественно-познавательной деятельностью, с другими, социально функционирующими институтами.

При рассмотрении других проблем физической культуры, разрешаемых с помощью феномена игры, большое внимание было уделено осмыслению различных форм спорта (институционализированный, рекордный, профессиональный), эстетической сущности физических упражнений, спорта. На наш взгляд, нельзя

отождествлять спорт и искусство и тем самым наделять спорт высшей формой эстетического освоения действительности. Но также нельзя рассматривать спорт как элементарную форму эстетического освоения действительности. По всей видимости речь должна идти о двух различных формах эстетического освоения действительности, а не о принятии одной формы развертывания и переживания свободы за мерило другой.

ВЫВОДЫ

1. Феномен игры как момент познавательной деятельности рассматривался в немецкой классической философии в виде чувственно — практически обусловленной каузальности. Поэтому осмыслению классиками идеализма свободы, "человечества в нас" о помощи феномена игры присущи моменты мистицизма.

2. Действительно научная разработка наиболее важных смысловых характеристик феномена игры связана с именами классиков марксизма. Они придали феномену игры, прежде всего, материалистический характер. Общественно-трудовая и общественно-познавательная деятельность выступили в трудах классиков марксизма в качестве источника игры физических и интеллектуальных сил. Феномен игры-свободы получил конкретно-социальное измерение.

3. Иррационализм истолковывает игру диаметрально противоположно марксистской философии. Её источники усматриваются не в общественно-трудовой и общественно-познавательной деятельности, а в деятельности мистической, витально-духовной, иррациональной, противопоставленной общественной жизни индивида. Свобода, "человечество в нас" изначально предопределены человеку и не определяются социальными условиями.

4. Классовый смысл иррационалистического видения игры очевиден. Он выражен идеей о том, что изменять и обновлять нужно не строй общественной жизни, а самого себя с помощью воображения, уходя из мира социального, действительного бытования в "мир наизнанку", в котором сознательно перевернуты все отношения обывательской жизни.

5. Марксистская теория физического воспитания методологически и мировоззренчески отталкивается от диалектико-материалистического осмысления феномена игры. Это позволяет ей в действительно научных позициях рассмотреть ключевые проблемы физической культуры, физического воспитания и прежде всего роль человека в системе физического воспитания и место последней в современном обществе.

6. Понятийная система буржуазных концепций физического воспитания, опирающаяся на иррационалистическое истолкование игры-свободы, представляет в теоретико-познавательном плане идеализм, отрицание культурно-исторической сущности физических упражнений, спорта.

7. В социальном плане иррационалистическое видение игры в сфере физической культуры представляет собой "вариацию антропологического гуманизма", которая служит буржуазии одним из важных средств отвлечения социально-физической активности личности от экономических, политических и социальных преобразований капиталистического общества. Освобождение личности в сфере физической культуры не имеет никакого отношения к социальным преобразованиям. Необходимо лишь осуществлять изначально predetermined "спортивно-праздничный смысл жизни".

8. Термин "игра" и теории физического воспитания отражает дополнительно и собственную проблематику физического воспитания, собственное предметное содержание науки.

9. Дальнейшее развитие марксистской науки в сфере физической культуры требует развернутого раскрытия физических упражнений, спорта как сфер социального осуществления человеческого смысла жизни, как одних из важных источников физической активности личности, повышения её творческой, социальной, эстетической и эвристической мобильности.

X X
X

4907
Основные положения диссертации изложены в следующих публикациях: 1. Игра и проблема антропогенеза (в соавторстве). Материалы IУ конференции молодых ученых ЦОЛИФК.М., 1968 г.

2. Игра и эстетическая способность в философии И.Канта (К теории игры и красоты в физическом воспитании). Материалы Всероссийской научной конференции по вопросам эстетического воспитания в высших учебных и средних педагогических учебных заведениях. М., 1970.

3.0 социально-философской и социологической проблематике в науке о физической культуре (в соавторстве). Тезисы докладов УШ конференции молодых ученых. М., 1970 г.

4. Игра и спорт (в соавторстве) Журнал "Теория и практика физической культуры" I п.л. (в печати)

Подписано к печати 18/X-1972 года. № П-56200

ВКШ при ЦК ВЛКСМ. Зак. № 909 тир. 180 экз. объем I п.л.

УДК 79.01
Физическая культура
Теория и практика